

ЗВАНЫЙ ГОСТЬ

10

17.06.2004
Матвеева Нобелиа

Без сомнения, одна из поэтических столиц России - Царское Село. Об этом заявил в свое время смуглый отрок, читая свои стихи перед изумленным Державиным. В этом городке жили Жуковский и Анненский, Георгий Иванов и Анна Ахматова, Василий Комаровский и Елизавета Кузьмина-Караваева, множество других знаменитых и полузабытых поэтов.

Новелла МАТВЕЕВА:

Сорваться эффективнее, чем устоять

РОДОСЛОВНАЯ

Всё сказано на свете, Несказанного нет. Но вечно людям светит Несказанный свет.

— Новелла Николаевна, в какой мере детство определило ваш жизненный выбор?

— Я думаю, в решающей, как и почти у всех людей. Под сенью царскосельских муз, говоря высоким штилем, мы прожили недолго. Вообще, старшее поколение Матвеевых с Дальнего Востока. Поездить по стране в те бурные годы пришлось много. Отец был историком-краеведом, человеком не от мира сего. Он редко задерживался на одном месте, потому что сразу принимался бороться за правду, искоренять различные злоупотребления. Действительный член Всесоюзного географического общества, он встречался со множеством людей, причем иногда был слишком доверчив. Избегать репрессий ему удалось лишь благодаря энергичным действиям моей мамы, Надежды Тимофеевны, да заступничеству наркома иностранных дел СССР Максима Литвинова.

Впрочем, сама мать была тоже активной общественницей и отстаивала справедливость перед различными чиновниками. Особенно в первые годы войны, когда работала в эвакуационном пункте для партизанских детей на Чкаловской, в поселке под Москвой, а потом в детском доме. Воровства и тогда было в избытке, а тут обирали сирот... Так что легко нам никогда не жилось.

Мама была поэтессой. Она прекрасно читала стихи, в ее удивительной декламации я впервые услышала Пушкина. Это было не актерское — божественное чтение. На меня, ребенка, особенно произвели впечатление несколько строк из "Сказки о рыбаке и рыбке": "...Подбежали бояре и дворяне, старика взащеи затолкали..." и "...Ничего не сказала рыбка, лишь хвостом по воде плеснула и ушла в глубокое море...".

За мою жизнь отношение к Пушкину менялось несколько раз. По отроческому и молодому легкомыслию я когда-то считала, что есть писатели посильнее его. Но давно уже понимаю не новую в общем-то истину: Пушкин недосыгаем.

— Знаменитый поэт русского зарубежья Иван Елагин — ваш двоюродный брат...

— Да, его отец Венедикт Матвеев — брат моего отца. Писал стихи под псевдонимом Венедикт Март. Он был расстрелян на глазах собственного сына.

Иван в годы войны оказался в Киеве, под оккупантами, потом его угнали в Германию, и на родину он уже не вернулся. Его судьба, если не человеческая, то творческая, сложилась

сравнительно успешно: выпустил несколько сборников, много переводил на русский из американской поэзии, был профессором Питбургского университета, где читал курс русской литературы.

НАЧАЛО ПУТИ

Мы бедствий, кажется, давно испили чашу, Но нелогичны и, как прежде, ненаучны. Уже не сможем позабыть мы бедность нашу. Мы никогда не сможем стать благополучны.

— Новелла Николаевна, но ведь вам тоже грех жаловаться на творческую судьбу. Вы — зачинательница так называемого бардовского движения наряду с Окуджавой, Высоцким, Галичем. Немецкий литературовед Вольфганг Казак в знаменитом "Энциклопедическом словаре русской литературы" еще 20 лет назад весьма высоко оценил вас: "Матвеева принадлежит к очень значительным поэтам, которые постоянно стремятся к тому, чтобы избежать уже знакомого, использованного".

— Не знаю, моя ли это заслуга — скорее всего гены, родословное наследие. Конечно, творчество — само по себе большое счастье. Но, возможно, я сделала бы гораздо больше, если бы жизнь в социальном плане сложилась по-другому. И это при том, что на протяжении всего становления мне встречалось немало участливых, щедрой души людей.

Я с детства не отличалась особенным здоровьем, скажались авитаминоз в годы войны, другие лишения тех лет. В Литературном институте училась заочно: хотя и жила под Москвой, но регулярно ездить на лекции не могла.

Стихи я писала с детства, пыталась делать из них песни. Игре на гитаре обучила мама, когда мне было лет 15-16. Видимо, было во мне что-то такое, что я "показалась" более опытным литераторам. Помните у Валентина Катаева сценку, где Ваня Солнцев встречается с другим мальчиком, настоящим сыном полка, и высказывает зависть к нему? А мальчик отвечает: "Ты не показался". Мне повезло: в моей судьбе приняли участие

поэты Игорь Грудев и Давид Кутультинов, комсомольские работники Лен Карпинский и Виктор Бушин. А потом — Корней Чуковский, Самуил Маршак, Владимир Чивилихин, Николай Старшинов...

Поначалу я напечатала кое-что в Элисте и Магадане, а в 1958 году — публикация в "Комсомольской правде". Первая тоненькая книжка, точнее, брошюрка вышла в 1961 году.

— А когда зазвучали ваши песни?

— Поначалу аудитория — однокурсники по Литинституту. Меня стали записывать на магнитофоны, и пошло-поехало. Благодаря Чуковскому фирма "Мелодия" выпустила в 1966 году две авторские пластинки. Кажется, это были первые в нашей стране диски авторской песни.

— Ну видите, как все благополучно складывалось...

— Это одна сторона медали. А другая... Да, мне везло на сочувствующих, помогающих людей, на единомышленников. Но и людей другого сорта вокруг хватало.

Например, по лукавому зигзагу колеса фортуны или по злой воле руководства, комендантом нашего общежития был бывший тюремный надзиратель. Когда я окончила институт, он стал гнать меня из общежития, даже милицию вызывал, чтобы выселить. А у меня в то время

как раз шла книга "Кораблик", требовалось постоянное присутствие в Москве. Спасали и утешали меня жена Степана Щипачева Елена Викторовна и ее подруга актриса Кира Смирнова, которая потом исполняла мои песни. И опять помог Самуил Яковлевич — благодаря стараниям Маршака мы с мужем получили квартиру.

ЖАДНОСТЬ — ЭТО НЕСВОБОДА

Жалок тот, у кого идиотства хватает Не писать, потому что его не читают.

Кто поэт, тот поет и на острове голом, Где от славы вдали он один обитает.

— Новелла Николаевна, с кем из бардов, представитель авторской песни вы дружили в те годы?

— Вот тут еще одна печаль. Мое нездоровье с молодых лет, в том числе "транспортная болезнь" — я не переносила поездки... В общем-то можно вести речь о некоторой творческой изоляции. Еще в 1962 году я услышала первые песни Окуджавы, потом познакомилась с творчеством Анчарова, Высоцкого. Позднее полюбила Городницкого, Берковского, Дольского. Все эти барды — нашего поколения.

Но все-таки ни с кем из вышеперечисленных не было той тесной дружбы, присущей поэтам пушкинской плеяды или хотя бы "Серополюсовым братьям". Беда в этом, конечно, моя. Естественно, самым близким другом стал мне муж Иван Семенович Киуру. Мы познакомилась с ним в институте в 1961 году, а через два года поженились.

Иван Семенович по национальности финн, за что и попал в сталинскую эпоху. Как неблагонадежный, он был сослан в Сибирь, потом много скитался по стране, работал кем придется. Но выстоял, как лесковский очарованный странник, и даже Литинститут окончил. И стал прекрасным поэтом!

Это был мужественный и жертвенный человек, настоящий спутник жизни. Старше меня всего на несколько месяцев, он покинул наш мир в феврале 1992 года.

Мы с ним много работали вместе. Печатали нас мало, ругали много. Мою пьесу "Предсказание Эгля" поставили в Центральном детском театре, она имела аншлаги, но кто-то упорно не давал ходу в прессе положительным рецензиям. А через некоторое время спектакль вообще сняли.

Дело опять в моем характере. Когда шел закрытый суд над Галансковым и Гинзбургом, я среди многих подписала письмо с требованием открытого суда. Другим это сошло с рук, а мне почему-то нет. Сняли с нотариально оформленного выдвижения на Государственную премию СССР за книгу "Душа вещей". Дело дошло до того, что многоопытный Иван Семенович предложил на время покинуть Москву, затаиться.

Так что в литературном творчестве нам пришлось пройти "многих славных путей" — пробиваться переводами. Конечно, возможности для халтуры были, заказов на потребу пропаганде всегда хватало. Но мы их даже не замечали.

— А как же — "Земной рабочий молот упал

на лунный серп. Какие силы могут разрушить этот герб?"

— Эти стихи искренние, не вижу ничего плохого в сочетании серпа с молотом, все-таки это символы труда. Заказом здесь и не пахло. Заказные стихи обычно длинные, чтоб гонимый побольше был, а здесь — афористичное четверостишие.

Я думаю, что те, кто поступает, идет на компромиссы, жалуется, дескать, живем в железном веке, что с волками жить — по-волчьи выть, — такие люди теряют себя, перестают быть хозяевами своей судьбы. Жадность — это несвобода. Нехитрая мысль, но ее надо особенно помнить сейчас, когда многие наши соотечественники захвачены процессом деления денег. Им бы не потерять себя. А для этого надо иметь чувство меры и чувство самонадеянности, легкости и беспечности, но особенно горевать, если со столь дорогими купюрами приходится расставаться.

ОТ ПЛАТОНА ДО ПЛАНКТОНА

Ах! Добродетели падение не ново: Новее наблюдать, как низко пал порок.

— Новелла Николаевна, как вы относитесь к современной бардовской песне?

— Я плохо ее знаю и вряд ли имею право давать кому-то оценки. Иногда слушаю по "Радио России" отличные передачи, которые ведет Татьяна Визбор, дочь двух замечательных представителей авторской песни — Ады Якушевой и Юрия Визбора. Лет десять назад Алексей Карамышев и Михаил Нодель начали издавать журнал "Авторская песня", но главный редактор Нодель погиб молодым...

Заведомо знаю только одно: уровень бардовской песни всегда будет выше тех популярных мелодий со словами, которые нынче заполнили эфир. Потому что барды в массе своей бесребренники, мыслители, достаточно хорошие поэты. У них сегодня не столько поклонников, как было в свое время у Высоцкого и Окуджавы. Но это, может, и хорошо, потому что остались верные и достойные почитатели. Галича и Визбора когда-то распедали все кому не лень. Это было престижно, по дешевке приобреталась репутация романтика и диссидента. Думаю, барды всегда хорошо понимают разницу между модой и вечными ценностями, между истинными и показными ценностями. Это как в сказке: кто-то видит Золушку, а кто-то ее хрустальной башмаком, который хоть и сверкает, но из сестрицы принцессу не делает.

— Георгий Плеханов заметил, что девушка поет об утраченной любви, но скряга никогда не будет петь об утраченных деньгах.

— Вот-вот. Бардовская песня и есть та самая "девушка". А кто в наше время "скряга", судите по современным раскруткам, гонорарам и другим чисто меркантильным признакам. Люди, называющие себя представителями искусства, зачастую не замечают, что изменяют не только искусству, но и всей человеческой культуре. "Ибо путь от Платона к планктону и от Фидия к мидии — прост", — это цитата из моей книжки "Душа вещей".

Но это ведь всегда бывало. Человечество развивается, чередуя победы духа с победами чисто материальными, возвышенное с примитивным. А обязанность живущих — выбрать истинный путь.

Новелла Николаевна тянется к гитаре, а я обвожу глазами небольшую комнату, напоминающую подсобку книжного магазина. Книги повсюду — на столе, на полу. Из украшений и декора — старые афиши о концертах Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру. За окном шумит Тверская, превратившаяся из улицы романтиков и поэтов в улицу бомжей и спекулянтов. Сердце Москвы стало ее червом. Надеюсь, ненадолго.

Сорваться эффективнее, чем устоять. Разбить романтичнее, чем уберечь. Отречься приятнее, чем настоять. И самая легкая вещь — умереть.

Беседу вел Владимир НОСКОВ